

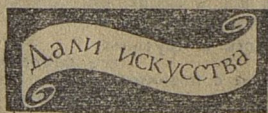
Ленский. «Евгений Онегин».

Орфей. «Орфей и Эвридика».

ЮБИЛЕИ Большого театра праздновали широко и всенародно. Перед зданием проходил парад. Скромный, в приглушенных красках, но неповторимый по искренности, даже детскости ликования парад 1925 года. Толпа шумна и пестра.

Леонид Витальевич Собинов стоял на ступенях Большого театра и, разглядывая толпу, мысленно перевоплощался в каждого из тех, кто пришел сюда разделить торжество русской музыкальной культуры. Приезжий крестьянин с бородой, в которую он запустил всю пятерню, напоминал ему о деде, который выкупил из крепостной зависимости себя и семью, а потом жил в приволжском селе Торговцево, в одинокой избе на берегу маленькой речушки. Жил особо — «собино», отчего и пошла их фамилия — Собиновы. Вспоминал себя гимназистом, глядя на мальчишку в непомерно великом отцовском пальто и чудом сохранившейся отцовской же гимназической фуражке. В памяти возникли три мальчишеских голоса, поющих рус-

нием детей рабочих, устраивал лекции и концерты для Корабельной стороны. Тогда в нем с трудом узнавали триумфатора оперных сцен Москвы, Петербурга, Неаполя, Монте-Карло и Мадрида. Он про-сидел ночами в скромном нарядном кабинете, разрабатывая планы открытия народной консерватории. И открыл! Революция освободила его инициативу, дала ей простор. Знание права, до тех пор помогавшее бороться с коварством антрепренеров, теперь помогло стать талантливым организатором новых форм жизни.

Еще в 1905 году он был потрясен расправой над участниками революции в Москве и признался себе, что, к счастью, находился тогда в Италии — иначе бы не выдержал и пошел открыто бороться против жестокости гвардейских и жандармских палачей. Сердцем гражданина и разумом юриста он угадал тяжелые последствия подавления революции: «...эта неизбежная реакция, неизбежная апатия общества грозят надолго лишить нас настоящей весны, которой мы так ждем и которая так и не приходит...»

С тех пор он ощущал революцию как весну, и это чувство не покинуло его.

Скромным хористом мало-российской оперы Заньковецкой и Саловского, в помещении

Способный к языкам, он легко входил в контакты с людьми Италии, Франции, Германии, с народностями Кавказа и Средней Азии. Но, влюбляясь в их чудеса, тосковал по России и, возвращаясь, радовался, как ребенок, увидевший мать после каникул. Он был избалован славой и признанием. И он знал это, возвращаясь из Крыма в холодную, неуютную, как его юность, Москву.

Здесь ему суждено было стать директором Большого театра. Артистизм его натуры сказался и на этой должности — работало трудно, но не без грации. Однажды, придя в Наркомпрос, к Анатолию Васильевичу Луначарскому, по вопросу о задержке жалования актерам, он предложил коллегам — директорам Малого и Художественного театров Южину, Станиславскому и Немировичу-Данченко — озорную мизансцену: все четверо вошли в кабинет наркома с вывернутыми карманами. Луначарский хохотал до слез и обещал не обойти эту сцену в своих литературных трудах...

Анатолий Васильевич, готовясь к приему парада, поправил шапку и внезапно шагнул назад, оказавшись за спиной Собинова.

Леонид Витальевич заволновался:

СОБИНОВ

Левко. «Майская ночь».

Князь. «Русалка».

скую народную «Уж я поемшла». Он пел в этом трио дискантом. Редкий и счастливый дар природы: его дискант с годами превратился в лирический тенор ясного и чистого звучания.

Слева, на углу Петровки, — знакомая фигура: известный московский адвокат. Собинов тепло кивнул ему: это — человек его мира, той профессии, которую, даже став известным певцом, Леонид Витальевич не оставил — служил ей честно, вдохновенно, был помощником присяжного поверенного у самого Плевако — легенды русской юриспруденции.

Непреходящее ощущение студенческой молодости вернулось к нему. Нахлынуло картинами неустрашимости, недоедания, случайных заработков (слава богу, с четвертого класса гимназии стал репетировать учеников — научился зарабатывать себе кусок хлеба), яростного увлечения книгой, театром, пением, которое привело его в Московское филармоническое училище.

Молодежь из толпы махала ему озябыми руками, слышны были приветственные выкрики: «С праздником, Собинов!...».

В молодых улыбках он видел себя, как в зеркале, — болезнь и возраст, всемирная слава и почетное положение народного артиста и директора Большого театра не приглушили юношеского восприятия жизни: он был по-прежнему пылок, склонен к шутке, любил лирические стихи, сам писал...

Мне дорог русский наш
простор
И новыля степного нега,
Где Русь давала свой отпор
Набегам дерзких печенегов...

В 1919 году, оказавшись в белогвардейском Крыму, Собинов и не подумал уехать из России. Остался в Севастополе и тотчас же после установления Советской власти с головой ушел в дела местного народного образования. Он заботился о собирании и охране архивных ценностей, создавал музеи, рабочие студии, детские ясли и трудовые школы с художественным воспита-

театра Горевой, где спустя семь лет обосновался Московский Художественный театр. 15 января 1891 года он впервые вышел на профессиональную сцену. С тех пор миновало тридцать пять лет.

Он стал знаменитым тенором. Он видел рукоплескания зрителей многих стран. Ему посчастливилось быть партнером Неждановой и Шалаяпина, которые считали за счастье быть партнерами Собинова. Он пел романсы Рахманинова под аккомпанемент автора — тонкого и виртуозного пианиста. В другие вечера выходил в оперных спектаклях, которыми управляли великие дирижеры — Рахманинов, Направник, Сук. Он дружил с режиссерами Станиславским, Мейерхольдом и художниками Головиным и Корвинным, вместе с великой актрисой и неустанным общественным деятелем Савиной учредил театральное общество России...

Одним из немногих певцов в России он не только довел тембр своего голоса до чистейшего звучания и редчайшей вокальной техники, но и добился единства музыкального и драматического содержания образа. Он научился подчинять себя партии-роли, тщательно продумывая детали поведения своего героя, костюма, манеры, смены его самочувствия, образа его мыслей. С годами он стал кудесником музыкальных перевоплощений, обнаружив, что образ во многом зависит от характера окраски голосового тембра. Он не любил холодных вокализмов и совершенствовал голос на изучаемых партиях: так сохранялось главное — образность, которую он ценил в искусстве превыше всего. В его труде не было «черной» работы. Ленского, Орфея, Дубровского, Ромео, Лозингрина он любил так же преданно и страстно, как своих детей и друзей, для которых всегда широко открывались двери его квартиры. Он не умел и не хотел лгать ни в искусстве, ни в жизни и в письме к малоизвестному человеку способен был открыть заветнейшие из тайников души.

— Что случилось?

— Не хочу быть тучей, — улыбнулся нарком.

— Почему — тучей?

— А потому, что не хочу затмевать звезд, — уже настоящим, без улыбки добавил Луначарский.

Пришлось принимать парад, стоя впереди, на почетном месте.

Торжественная речь была отрепетирована дома — Собинов не боялся за себя. И все-таки задрожал голос, когда произнес:

— И когда теперь в новой, освобожденной России мы показываем трудовому народу наше искусство через сто лет после того, как наших старших братьев, связанных рабов, привели на толкучку и продали на вывоз в московский театр, мы гордимся, что отдаем теперь наше вдохновение и наш труд народу, которого мы сами кость от кости, плоть от плоти...

Через девять лет, уезжая на лечение в Марнебад, он невольно пошутил: «Туда еду, а оттуда привезут». И здесь, как всегда, оказался правдивым. Его тело от самой границы сопровождали толпы народа. Иван Семенович Козловский, бывший тогда в делегации и сопровождавший гроб Собинова от границы до Москвы, по сей день не может рассказывать без волнения, как сокрушались тысячи людей, потерявшие Орфея русской сцены.

Но он не ушел в небытие. Он живет среди нас в грамзаписях его неповторимого голоса. В традициях советского музыкального театра. В мраморной доске на доме в проезде Художественного театра. И в гостеприимстве его квартиры, такой же радушной для каждого, кому дорога память о великом певце и человеке распахнутого людям сердца, в приветливой улыбке его дочери, Светланы Леонидовны, — в улыбке, которую она наследовала от отца.

Александр КРАВЦОВ

Владимир Игоревич. «Князь Игорь».